





— Тебе снятся цветные сны? — спрашивает меня Казанова.

— Конечно, — отвечаю я ему, — вот ты сейчас одет в зеленый камзол.

— Это хорошо, — вздыхая, радуется он за меня, — цветные сны снятся только тем людям, которые в ладу со своей душой. Хочешь, расскажу, почему я не вижу цветных снов?

— А ты правда Казанова? — недоверчиво спрашиваю я.

— Я не знаю, — отвечает он, — я давно себя забыл, но эта история почему-то не забывается, и мне очень трудно ее хранить.

— А она правдива? — интересуюсь я, перед тем как начать записывать рассказ венецианца.

— Иногда мне кажется, что истина, а иногда, что вымысел. Бывают же времена, когда я почти уверен, что это плод моего воображения.





*Я стала быстро записывать за Казановой странную историю его путешествия в далекую и такую странную для него Россию и поняла, что он все это придумал, лишь бы привлечь мое внимание, которого ему сейчас так не хватает. Хотя имя великого покорителя женских сердец навсегда осталось в веках, но любви, о которой он мечтал всю свою жизнь, ему так и не досталось. Так что и ты, читатель, не верь этой истории, потому как выдумщицу Казанове немного помогла и я, украсив его рассказ своими фантазиями.*



Он был действительно в одних носках, в полном и таком нелепом смысле этого слова. Ротвейлеры в количестве двух штук исходили лаем у дерева, а у Яниса Леппика вся жизнь пробежала перед глазами.

Ян был умным с детства — возможно, гены сыграли свою роль, оба родителя могли часами хвастаться своими достижениями в науке, а возможно, у него просто не было выбора, потому что так было надо. В семье школа вообще не считалась за учебу, так, мелочи жизни. «Вся учеба, сынок, начинается после, в библиотеках, дополнительных занятиях и саморазвитии», — говорила ему мама,





тыкая при этом пальцем в его старших братьев, которые просто не отрывались от учебников и компьютера. Ему же всегда хотелось другого, хотелось праздника, внимания девочек и, возможно, даже обожания. Когда однажды он решил поделиться этими мыслями с мамой, то увидел на ее лице разочарование. «Эх, — вздохнула тогда строгая родительница, — говорили мне, нельзя рожать после сорока, возможен брак», — сказала она больше себе, чем Янису. Умная женщина, кандидат наук не подумала тогда, что маленькому мальчику с этой фразой придется жить дальше.

Каждый божий день начинался и заканчивался тем, что Ян доказывал, что способен хорошо учиться, в душе же знал точно, что он не такой, как его братья. Янис, словно прокаженный, боялся, что люди заметят это, и с еще большим усердием шел к своей мечте. Цель же заключалась в том, чтобы любыми способами доказать родителям, что он не брак.

Ян это сделал, вот только оценить его успехи уже никто не мог. Он был поздним ребенком, и когда к нему пришли удача, деньги и большие возможности, родителей уже не было в живых и признать, а вернее, опровергнуть страшную версию никто уже не мог. От





невозможности реального подтверждения, что его можно любить, а еще из-за того, что он шел к своей цели, не расплываясь на личную жизнь, в каждой девушке Ян видел хищницу. Подозревая, что им нужны только деньги, а не он сам, ведь его любить не за что — он брак, Янис стал защищать себя, построив глухую стену надменности и высокомерия, потихоньку забывая, какой он на самом деле. От этого душа стала черстветь и иногда тихо ныть по ночам, по-прежнему так нуждаясь в любви.

К слову, его братья, которыми так гордились родители, в отличие от Яниса ничего не достигли, продолжая равнодушно и безамбициозно просиживать штаны в своих научных институтах. Но порядок вещей изменить уже было невозможно — Ян так и остался браком, несмотря на его огромное сопротивление данной версии. Те же, кто мог изменить статус-кво, были уже на небесах, и похвастаться, а тем более услышать восхищение в свой адрес было не от кого.

Правда, сейчас, сидя на дереве в чужом саду и имея на себе из одежды лишь одни носки, Ян заметил, как в его голове впервые промелькнула шальная мысль: а может быть, родители были не так уж и не правы. Может, он и вправду брак.





Это было не фиаско, это был полный провал. Хотя и это выражение слишком мягкое — это была катастрофа. Кира шла по улице и задыхалась от слез. Они стояли везде: в горле, в носу, в сердце и, главное, в душе. Они наполняли ее изнутри и вытесняли все остальные чувства, например стыд. Правильная девочка Кира никогда не позволила бы себе реветь и, размазывая тушь, вышагивать по летнему парку. Горожане, решившие заняться спортом, собачники и другие посетители парка, коих в столь ранний час сюда занесла судьба, с любопытством поглядывали на нее. Всех, конечно, разбирал жгучий интерес, что же случилось у девушки, и многие даже, скорее всего, строили разнообразные версии, но подойти все же никто не решился. Сказывалось наше безразличное время, оно принесло в общество равнодушие и стойкое знание, что нельзя лезть в чужую жизнь — это табу для современного индивида. Человек человеку волк, как говорится. Поэтому даже самые любопытные не рискнули поинтересоваться, что же случилось у девушки.

Кире же, как ни странно, сейчас очень хотелось, чтобы кто-нибудь сделал именно так — не по правилам, а от души. Ее пре-





исполняло желание рассказать постороннему человеку, словно случайному попутчику в поезде, все, что накопилось в жизни. Все, что она сейчас так горько оплакивала. Эмоционально поведать о том, что все было хорошо, а потом стало резко плохо. Стоп. Кира словно прозрела и, перестав навзрыд рыдать, села на ближайшую свободную лавочку, теплую от утреннего летнего солнца. Не бывает так: все хорошо, а потом резко плохо. Все, кто так говорит, лгут, а Кира решила больше никогда не врать самой себе. Достав маленькое зеркальце и вытирая потекшую тушь, она первый раз сказала себе правду: все было плохо уже давно. Все к этому шло, постепенно набирая обороты грязи, в которую Кира погружала себя самостоятельно, так сказать, на добровольных началах. Она сама в последнее время выдумывала Савелию оправдания, даже не загружая его такими мелочами. В конце концов должно было случиться именно так, как сегодня утром. В голову опять полезли воспоминания о тех моментах, когда им вдвоем было хорошо, ведь они были, были, были. Слезы заблокировали дыхание, и, боясь задохнуться, Кира решила перевести мысль в другую сторону. Она оказалась не менее трагической, но не такой жестокой. Вот почему именно сегодня? Что это? Чем Кира так провинилась перед



Богом? Нет, конечно, она знала, что не святая, и грешки свои все помнила и стыдилась их периодически, но зачем так жестоко?

Сегодня они должны были лететь на свадьбу к ее младшей сестре. Эта выскочка решила не ждать старшую и выпрыгнуть замуж в двадцать лет. Да за кого — за молодого бизнесмена, мясного короля, имеющего в собственности три огромные фермы, два завода и множество магазинов с дурацким названием «Бычка хотите», и это даже не потому, что там продавалось мясо, так креативный будущий родственник решил прославить свою незвучную фамилию Бычков. В общем, родители и вся большая родня были в восторге от будущего зятя и лишь тяжело вздыхали при виде Киры, глубоко и как-то уж слишком нарочито жалея ее.

«Мало того что сестра красивее, — не стесняясь, говорила тетка Нора за месяц до свадьбы, глубоко затягиваясь сигаретой, — так еще и удачливее. Не надо было тебе, Ольга, ее Кирой называть, — упрекала она мать, даже не беря во внимание, что некрасивая и неудачливая сидит тут же за столом и стыдливо прячет глаза, словно провинилась в чем-то, — дурацкое пацанячье имя, вот и судьба у девки теперь такая», — продолжала рассуждать сестра отца.

Она была грубой, дерзкой и всегда говорила людям в лицо то, что думала. В тот раз до-



сталось и младшей сестре. «Бедная девочка, — не скрывая издевательского тона, говорила тетка, — поменяла шило на мыло: была Гусь, стала Бычкова».

Мать тогда все же постаралась защитить старшее дитя, объясняя родственнице, что и у Киры есть жених Савелий, доцент на кафедре ядерной физики в университете, не менее умный и красивый. На что тетка лишь обидно усмехалась, подвергая сомнению сказанное, и надменно говорила: «Ну-ну, посмотрим». Мама, видимо, не желая прослыть треплом, а может быть, просто жалея Киру, всю неделю перед свадьбой названивала и напоминала, а по факту же просто умоляла.

«Кира, доченька, хватит прятать Савелия, привози его обязательно на свадьбу. Скажи, пусть не боится, никто его жениться тут же не заставит», — словно оправдывалась она. Кира, надо сказать, и сама это прекрасно понимала и, уговорив Савелия поехать, тут же успокаивала маму, обещая посетить семейное торжество вдвоем.

И вот все летит в тартарары. Савелия у нее больше нет. Даже если бы Кира очень постаралась, то найти сейчас оправдание жениху не то что сложно, а практически невозможно. Да и по тому, как Савва с ней разговаривал, а вернее, выразительно молчал, было понятно,



что эти оправдания ему не очень-то и нужны, он сделал свой выбор.

Нет теперь у Киры и любимой работы, потому как, выскочив из квартиры Савелия, она, не задумываясь, направилась на кафедру и тут же написала заявление об увольнении. С сегодняшнего дня у нее был отпуск, из которого выходить уже не придется, а два просроченных билета в Сочи на свадьбу сестры можно было выбрасывать, как и шесть лет работы на кафедре общей ядерной физики.

Вот так: было плохо, а стало еще хуже. Потому что надо знать, что не бывает после плохого хорошее, ну не бывает такого, это противоречит законам природы. После плохого может быть только очень плохое. Пора бы уже в двадцать семь лет это понять и научиться уходить самой, лишь почувствовав нехорошие перемены, но, видимо, что семь, что двадцать семь — мы не меняемся. Кира росла умной, но жутко неуверенной в себе девочкой, скромно отсиживаясь в тени своей сестры, которую, и это понимала даже она, было невозможно не любить.

Немного успокоившись и придя в себя, Кира с полной ответственностью поняла, что эта страница жизни — непонятно, увы или ура — перевернута безвозвратно, все, навсегда, и даже огромное желание не сможет ничего изменить,



а значит, надо жить дальше. О поездке в солнечный Сочи, конечно, придется забыть, не хватало еще после пережитого стать объектом насмешек родственников, но урок из этого вынести необходимо. Кира из всего и всегда выделяла главное, тогда казалось, что это не неудача, а просто жизнь тебя так учит. Ведь на своих ошибках оно всегда продуктивнее получается. Подумав немного и посмотрев на реальность с разных ракурсов и временных линий, она решила: никогда нельзя оправдывать ни людей, ни ситуацию, всегда надо смотреть на происходящее трезво и, когда понимаешь, что все плохо, сразу же уходить, потому как после этого обязательно станет еще хуже.

Именно на этой торжественной точке, которую Кира поставила своим отношениям, и зазвонил телефон. На экране высветилось: «Валенок», это был именно тот человек, которого сейчас была счастлива слышать Кира.



Собаки лаяли не умолкая, и Янис понимал, что это начало конца. Сейчас из дома выйдет хозяин, и хорошо, если дело закончится просто полицией.

— Тише, Чук, Гек, вы что там так раскричались, — слышался женский голос. Янис за-



жмурился, ему не хотелось видеть первую реакцию, было нестерпимо стыдно.

— И откуда к нам такого красивого дяденьку занесло, — женский голос, к удивлению Яна, прозвучал насмешливо и гостеприимно. — Тише, ребята, — обратилась женщина к ротвейлерам, — это наш гость. Караулить, — скомандовала она, и собаки уселись под дерево, по-прежнему с ненавистью разглядывая мужчину и его красные носки.

— Добрый день, — поздоровался Янис, от страха и стыда открыв лишь один глаз. — Оригинальный выбор кличек для собак, вы поклонница Гайдара? — поинтересовался зачем-то он.

— Нет, — продолжала улыбаться женщина.

У нее были пышные формы и искрящиеся глаза. На вид ей было лет тридцать, и возможно, она даже была ровесницей Янису, но он почему-то почувствовал себя рядом с ней пацаном. Вероятно, это произошло потому, что он был сейчас в одних носках, но бешеная энергия, которая шла от этой женщины, тоже сбивала с толку. От таких представительниц прекрасного пола никогда не знаешь, чего ожидать. Они одновременно могут и ударить, и поцеловать, причем будет одинаково больно в обоих случаях.